

Изучение истории политических и правовых учений в российском правоведении в XIX — начале XX в.: традиции, направления, этапы¹

Аннотация. В статье предпринята попытка отразить зарождение специфической отрасли научного знания — истории политических и правовых учений. Предметное поле данной науки и учебной дисциплины включает много проблем, основной из которых, без сомнения, является осмысление феномена права и государства, с которыми тесно связаны и другие институты. Тем не менее именно государство и право в конечном счете определяют их характер. Это своего рода традиция, заложенная западной юридической наукой, под сильнейшим влиянием которой находилась дореволюционная юриспруденция. Российские юристы, многие из которых в рамках процедуры «подготовки к профессорскому званию» продолжали обучение в западных университетах, в основном держались тех подходов, которые там сложились. Это касалось как онтологических, так и гносеологических аспектов.

Показано отличие политических и правовых учений второй половины XIX в. от учений первой половины. Своеобразным толчком, побудившим их развитие, послужили реформы 1860-х гг. Кроме того, дореволюционная юридическая наука во второй половине XIX — начале XX в. перешла на новый, принципиально иной научный уровень изучения политических и правовых институтов.

Есть и еще один значимый момент. Проблема заключается в том, что фактически за рамками истории политических и правовых учений осталась историография данной дисциплины и науки. Настоящая статья представляет собой попытку в какой-то степени восполнить этот пробел.

Автор отмечает, что актуальность истории политических и правовых учений возникает в период интенсивной политической жизни, когда формируются устойчивые социальные группы (страты, классы) с несоответствующими политическими, социальными и правовыми идеалами. Такая ситуация сложилась в России в начале XX в.

Ключевые слова: история; историография; институты; государство; власть; закон; право; направления; учения; школы; философия; теория.

Для цитирования: Корнев А. В. Изучение истории политических и правовых учений в российском правоведении в XIX — начале XX в.: традиции, направления, этапы // *Lex russica*. — 2020. — Т. 73. — № 10. — С. 114—125. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.114-125.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00779.

© Корнев А. В., 2020

* Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

kornev_av@rambler.ru

Studying the History of Political and Legal Doctrines in Russian Jurisprudence in the 19th — Early 20th Century: Traditions, Directions, and Stages²

Arkadiy V. Kornev, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
kornev_av@rambler.ru

Abstract. The paper attempts to reflect the origin of a specific branch of scientific knowledge — the history of political and legal doctrines. The subject field of this science and discipline includes many problems, the main of which, no doubt, is the understanding of the phenomenon of law and the state, which are closely related to other institutions. Nevertheless, it is the state and law that ultimately determine their character. This is a kind of tradition laid down by Western legal science that was strongly influenced by pre-revolutionary jurisprudence. Russian lawyers, many of whom continued their studies at Western universities as part of the "preparation for professorship" procedure, mostly followed the approaches developed there. This concerned both ontological and epistemological aspects.

The author shows the difference between political and legal doctrines of the second half of the 19th century and the first half of the century. The 1860s reforms served as a kind of impetus for their development. In addition, in the second half of the 19th — early 20th century pre-revolutionary legal science moved to a new, fundamentally different scientific level of studying political and legal institutions.

There is another significant point. The problem is that, in fact, the historiography of this discipline and science has remained outside the framework of the history of political and legal doctrines. This paper is an attempt to fill this gap to some extent.

The author notes that the relevance of the history of political and legal doctrines arises during a period of intense political life, when stable social groups (strata, classes) with different political, social and legal ideals are formed. This situation developed in Russia in the early 20th century.

Keywords: history; historiography; institutions; state; power; law; laws; trends; teachings; schools; philosophy; theory.

Cite as: Kornev AV. Izuchenie istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy v rossiyskom pravovedenii v XIX — nachale XX v.: traditsii, napravleniya, etapy [Studying the History of Political and Legal Doctrines in Russian Jurisprudence in the 19th — Early 20th Century: Traditions, Directions, and Stages]. *Lex russica*. 2020;73(10):114-125. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.167.10.114-125. (In Russ., abstract in Eng.).

Право и государство стали объектом осмысления практически с самого момента своего рождения. Споры относительно того, что появилось раньше — право или государство, на мой взгляд, не имеют принципиального значения. Коль скоро система социального регулирования общественных отношений начинает формироваться задолго до появления государства, есть все основания отдавать пальму первенства все-таки праву. Действительно, отношения, которые существовали между людьми на самых ранних, пусть даже примитивных стадиях развития, тем не менее регулировались социальными нормами, не имевшими конкретного названия в силу особенностей сознания древнего человека. Относительно недавно те немногочисленные нормы поведения, которые определяли быт первобытного человека, получили название «мононорм», поскольку одновременно явля-

лись правилами первобытной морали, обычаем, мифом, табу и в какой-то степени правом. Таким образом, право формируется несколько раньше государства, а с его появлением право, преимущественно в форме закона, получает охрану со стороны государства, которое концентрирует в своих руках монополию на издание законов и обеспечение их действия.

Разумеется, проблемы, связанные с происхождением того или иного института, в данном случае права и государства, имеют значение не только в части времени их возникновения. Гораздо важнее другое: почему они возникли, для чего они существуют, как эти институты эволюционировали, чем являются сегодня и каковы их возможные перспективы развития на самое ближайшее будущее. Эти и другие вопросы в конечном счете формируют традиции, подходы и этапы развития теоретико-правовой

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00779.

мысли. Они же и определяют онтологические, гносеологические, историографические, праксиологические и аксиологические особенности изучения права и государства.

Не менее важным обстоятельством является методологическая позиция исследователя, школы, направления. Одни авторы, например, искали ответы на вопрос о происхождении государства и права в материальном способе производства. В этой связи достойна упоминания основательная работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая нисколько не утратила своей актуальности. Она до сих пор переиздается отдельным изданием, что в наше рыночное время говорит о многом. Значит — читают, изучают, спорят. А как же иначе может развиваться наука? Издатели не будут из филантропических соображений печатать то, что покупать никто не станет.

История учений (идей) есть в то же время эволюция сознания, то есть способности понимать тот мир, в котором ты живешь, отражать его в соответствующих формах и видах. Эволюцию человечества, отдельной цивилизации и страны можно рассматривать сквозь призму развития сознания, составной частью которого является познание. Иными словами, интеллектуальная история человечества или какой-то его части может и должна быть предметным полем науки (наук).

Другое дело, что в отношении природы сознания до настоящего времени нет общепринятого подхода. В традициях исторического материализма принято интерпретировать сознание как производную составляющую общественно-го бытия. Совокупность материальных производственных отношений, по мнению К. Маркса, составляет тот «реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»³.

Однако существуют и другие методологические основания, своего рода традиции, которые по-иному понимают «статус» сознания, его природу и роль в интеллектуальной и политической истории человечества. «Идеи правят миром» — лозунг, невероятно популярный среди французских энциклопедистов: Даламбера, Дидро, Гольбаха, Тюрго, Барте, Гельвеция.

Дальше всех пошел О. Конт — преемник энциклопедистов. Главный труд его жизни назван «Курс позитивной философии». Основной посыл работы заключается в том, что познание окружающей действительности проходит через три разные теоретические состояния: состояние теологическое, или фиктивное; состояние метафизическое, или отвлеченное; состояние научное, или положительное (позитивное). Только третье, теоретическое состояние способно, по его мнению, более-менее объективно понять и оценить окружающую действительность, включая право и государство. Но и оно не может объяснить абсолютно всё и вся.

Учение об относительности нашего познания, которое имело место среди энциклопедистов, передалось и О. Конту, идеи которого повлияли на мировоззрение дореволюционных мыслителей. В этой связи совершенно обоснованный вывод делает А. Лаппо-Данилевский, характеризуя его взгляды следующим образом: «...Конт не только пришел к заключению об относительности нашего познания, но не отступил и перед утверждением, что единственно абсолютным является принцип относительности наших познаний»⁴.

Право и государство рассматривалось и с религиозных точек зрения. Не стоит забывать о том, что люди предыдущих эпох «подстраивали» свое сознание под цель жизни — спасти свою душу в вечности, которая наступает для человека после прекращения физического существования. У современного человека цель жизни подменена скорее качеством жизни, то есть достижением максимального комфорта, который большинство понимает как максимально возможное достижение материального достатка.

С. Н. Булгаков, характеризуя философский и экономический материализм, пишет, что для него пища и питье больше и первее души, ибо ее определяют внешние условия жизни. Экономический материализм провозгласил, что вся духовная культура определяется экономическим базисом; идти дальше этого философского «мамонизма» уже некуда. Евангелие, написанное для всех времен и народов, предостерегает не только от практического, но и от теоретического язычества⁵.

Фюстель де Куланж свидетельствует, что древние не подвергали сомнению тезис о том,

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

⁴ Проблемы идеализма : сборник статей / под ред. П. И. Новгородцева. М., 2018. С. 465.

⁵ Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991. С. 83.

что они получили свои законы от богов. Жители Крита приписывали свои законы не Миносу, а Юпитеру. Лакедемоняне считали, что их законодателем был не Ликург, а бог Апполон. Римляне полагали, что Нума писал законы под диктовку одного из самых могущественных божеств древней Италии — богини Эгерии. Этруски получили свои законы от бога Тагеса. Во всех этих преданиях есть правда. Истинным законодателем древних был не человек, а религиозные верования. И не пустой фразой были слова Платона, сказавшего, что повиноваться законам — значит, повиноваться богам. У древних закон был всегда священным; во времена царей он был царем царей, во времена республики он был царем народа. Неповиновение закону считалось святотатством⁶.

Греки сформировали политику — учение о государстве, которое они еще не отделяли от общества. Римляне основали юриспруденцию как учение о праве.

Изучение истории политических и правовых учений в дореволюционной России базировалось на вышеописанных подходах, которые вполне могут претендовать на статус методологических. Да, они различны, а порой и противоположны по своим главным, сущностным основаниям. Сегодня они кажутся не столь существенными, как раньше. Общество постмодерна допускает такой «методологический салат», который оправдывает любой подход. Главное сегодня не предмет дискуссии, а сама дискуссия.

В наше время нередко можно услышать мнение о том, что наука не в состоянии порой объяснить то, что происходит в природных и социальных системах. И опять же хотелось бы обратиться к точке зрения С. Н. Булгакова. По его мнению, голоса о кризисе и даже банкротстве науки нередко выступают как аргументы в пользу веры. В подобных сетованиях и утверждениях он видит род недоразумения. Наука жива и здорова и будет здравствовать. Он считает, что под кризисом науки разумеется утрата ею совершенно не принадлежащей ей компетенции, универсалистских притязаний, которые ей приписываются лишь теми, кто хотел религиозную веру заменить наукой. Задачи и назначение науки вполне относительно и

ограниченны: она имеет дело с определенным (логически или философски) кругом проблем опытного (в кантовском смысле) знания, причем наука способна к бесконечному прогрессу, горизонт постоянно отходит перед нею, иное знание раздвигает шире область незнания⁷.

Изучение истории политических и правовых учений в дореволюционной России, а точнее в XIX — начале XX в., неразрывно связано с юридическим образованием, формированием научных и образовательных учреждений. Только с начала XVIII в., с создания системы научно-педагогических учреждений, основания Академии наук, университетов и других учебных заведений, что вызывалось возрастающими потребностями общества и государства в специалистах, можно говорить о регулярной, организованной подготовке правоведов в России⁸.

Петр I — великий реформатор и преобразователь России, фигура которого до сих пор вызывает споры, предпринял удачную попытку создания так называемого регулярного государства. А для этого требовалось большое количество подготовленных чиновников.

Аналогичные процессы когда-то имели место и в Европе. Собственно говоря, Петр Великий и брал пример с европейских государств, которые в плане просвещения, науки, образования ушли далеко вперед. Например, благодаря ему труды С. Пуффендорфа и Г. Гроция стали широко известны и в России.

Короли и римские папы часто выступали инициаторами создания университетов. Первым нужны были образованные чиновники, а вторым — мудрые пастыри. Как отмечает Гарольд Дж. Берман: «Воспитанные в духе новой юридической науки, новые поколения университетских выпускников поступали на службу в канцелярии и другие учреждения возникавших в то время церковных и светских политий и становились советниками, судьями, адвокатами, администраторами, составителями проектов законов»⁹.

Петр I мечтал о создании академии наук и широкой сети высших учебных заведений. Первые 16 зарубежных ученых — членов Санкт-Петербургской академии прибыли в Петербург в 1725 г. Наиболее знаменитыми из них были Иоганн Бекенштейн и Христофор Гросс (специалист по моральной философии).

⁶ Куланж Фюстель де. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. М., 2010. С. 190.

⁷ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 117.

⁸ Корнев А. В., Борисов А. В. Правовая мысль в дореволюционной России. М., 2005. С. 189.

⁹ Берман Дж. Г. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 124.

Подготовка профессиональных юристов началась в Московском университете, открытом в 1755 г., в составе которого было три факультета: философский, медицинский, юридический. Перечень предметов, которые должны были изучаться на юридическом факультете, был определен М. В. Ломоносовым. Первым профессором юридического факультета был австриец Филипп Генрих Дильтей, читавший лекции почти на всех европейских языках, кроме русского.

Первым отечественным профессором права стал Семен Ефимович Десницкий — публичный ординарный профессор юриспруденции и член Императорской академии наук. С 1761 по 1767 г. он учился в Университете Глазго, где курс юриспруденции и этики читал знаменитый Адам Смит — родоначальник науки политической экономии. Выдающийся русский юрист Н. М. Коркунов назвал С. Е. Десницкого «праотцом русской юридической профессуры»¹⁰.

В части места истории политической и правовой мысли в системе юридического образования и науки до настоящего времени нет полной ясности. Градус дискуссий на этот счет предельно низкий, никаких ожесточенных дискуссий не наблюдается. Другое дело — социология и философия права. Здесь общепринятой позиции нет до настоящего времени. Эта проблема имеет очень серьезное значение в силу того, что политические и правовые идеи рассматриваются в рамках философии права и в какой-то степени социологии права.

Социологи и философы (по образованию, естественно) считают социологию права и философию права либо частью общей социологии, либо частью философии. Их аргументация скорее не научная, а прагматичная. Что называется «хлеба ради». В целях обеспечения своей занятости они так полагают. Некоторые авторы квалифицируют социологию права и философию права в качестве междисциплинарных наук, которые находятся, как принято говорить, на стыке юриспруденции, социологии и философии. Я же придерживаюсь однозначной и категоричной позиции: социология права и философия права суть составные части общей теории права и государства. В какой-то степени я просто присоединяюсь к ранее обоснованным точкам зрения.

Выдающийся отечественный ученый-правовед, член-корреспондент Академии наук СССР

(с 1966 г.), доктор юридических наук, профессор Джангир Али-Аббасович Керимов писал, что «...всеобщая теория права и государства, на наш взгляд, включает в себя три основные части: социологию права, философию права и учение о государстве, водораздел между которыми проходит, условно говоря, по линии онтологического и гносеологического изучения. Эта линия действительно носит условный характер, прежде всего потому, что не может быть онтологии вне социологии, равно как и наоборот. Именно поэтому и социология права, и философия права составляют единый предмет науки всеобщей теории права». И далее: «Предложенное понимание предмета всеобщей теории права и государства, состоящей из трех основных направлений (частей) — социологии права, философии права и учения о государстве, — преодолевает ту неразбериху в мировой и отечественной юриспруденции, когда одна и та же отрасль научного знания объявляется то теорией права, то социологией права, то философией права, то энциклопедией права»¹¹.

К такой точке зрения в итоге присоединился не менее известный и авторитетный ученый-юрист, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор С. С. Алексеев. Большую часть своей научной и педагогической карьеры он придерживался позитивистского правопонимания и, соответственно, определенным образом выстраивал структуру учебного курса и науки. Трансформация его научных взглядов привела к мнению о том, что в рамках единой общей теории права есть относительно обособившиеся группы проблем, которые могут быть обозначены как вопросы «философии права», «социологии права», «специально-юридической теории (общей позитивной теории)». По своей природе большинство философских, социологических и специально-юридических вопросов в теории права таково, что они должны существовать в органическом единстве и могут обособляться в теории условно. «Таким образом, — считает С. С. Алексеев, — “философия права”, “социология права”, “специально-юридическая теория” — не автономные с абсолютными границами части общетеоретических знаний, не их подотрасли (как ранее полагал автор этих строк), а скорее общие направления в рамках единой науки, охватывающие и некоторую

¹⁰ Коркунов Н. М. История философии права. М., 1915. С. 17.

¹¹ Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. М. : РАН, 2007. Т. 1. С. 9, 10.

упомянутую выше “чистую” проблематику соответствующего профиля»¹².

Единственное, что может разделять в какой-то степени социологию права, философию права и специально-юридическую теорию, по мнению С. С. Алексеева, так это специфическая методология, присущая трем этим составным частям общей теории права.

С такой точкой зрения можно в чем-то согласиться, а в чем-то нет. Их скорее разъединяет не методология, а предметное поле исследований. На макроуровне оно общее — право как специфический правовой регулятор. Однако у него есть социальная и философская составляющая.

История политических и правовых учений одним авторам представляется «историей теории государства и права». Другие видят в ней «историю философии права». Эта и есть та «неразбериха», наличие которой констатировал Д. А. Керимов. Отрасль научного знания — одна, а названия — разные.

В полной мере эта «неразбериха» свойственна и истории политических и правовых учений дореволюционного периода. Самый фундаментальный труд в этой области был написан Б. Н. Чичериным — «История политических учений» (ч. I—V. М., 1869—1902). Упомянувшийся уже Н. М. Коркунов назвал один из своих трудов «История философии права» (СПб., 1915).

Кроме того, можно привести и другие работы: Б. А. Кистяковский «Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права» (М., 1916); Л. И. Петражицкий «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (СПб., 1907); В. Ф. Тарановский «Учебник энциклопедии права» (Юрьев, 1917); Е. Н. Трубецкой «Общая теория права» (Иркутск, 1919); П. И. Новгородцев «История философии права» (М., 1899); Г. Ф. Шершеневич «Общая теория права» (т. 1—2. М., 1910—1911); Б. Н. Чичерин «Философия права» (М., 1900).

Таким образом, мы видим, что политические и правовые идеи излагались в несколько различных «жанрах». Тогда, разумеется, вопрос о соотношении теории права, социологии права и философии права не стоял так остро, как сейчас. Позволительно ли назвать такой под-

ход своеобразной традицией? Может быть. «В классическом пятитомном курсе “Политических учений” Б. Н. Чичерина отечественные доктрины вообще не упоминаются. В дореволюционной историографии специальных системных исследований по истории русской политической и правовой мысли не предпринималось. Творчество отдельных мыслителей изучалось, но в основном историками церкви, литературоведами и искусствоведами. Советская наука данную традицию практически не изменила»¹³.

Что касается отсутствия интереса в дореволюционной науке к отечественной политико-правовой мысли, то с этим следует в основном согласиться. Хотя отдельные работы все-таки были. Да и советскую науку упрекнуть в полном отсутствии внимания к дореволюционным авторам тоже нельзя.

Надо честно признать: долгое время дореволюционные русские юристы «ходили в учениках». Некоторых талантливых выпускников оставляли на кафедре, как тогда было принято, для «приготовления к профессорскому званию». В рамках этой процедуры многие из них продолжали обучение в зарубежных университетах, чаще всего в немецких, и там же они готовили и защищали диссертации. В то же время совсем отказывать в наличии политико-правовой мысли в России, как это иногда делается, просто нелепо. Как тут не вспомнить Н. М. Коркунова: «Русскому юристу стыдно не знать своих предшественников. Много или мало они сделали, мы должны это знать»¹⁴. Во всяком случае, период ученичества длился не так долго. Российские правоведы достаточно быстро осознали свою значимость, или, как бы сегодня сказали, востребованность. Достаточно привести примеры успешной карьеры некоторых российских ученых, таких как М. М. Ковалевский, П. Г. Виноградов.

Что касается периодизации, то здесь можно пойти по традиционному пути, разделив XIX в. на две половины. «Привязывать» периодизацию политических и правовых идей к каким-то историческим трансформациям очень затруднительно. Да, была некоторая либерализация в период правления Александра I. Несомненным толчком к развитию политических и правовых

¹² Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2009. С. 10, 11.

¹³ Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI—XX вв. М., 1995. С. 3—4.

¹⁴ Коркунов Н. М. История философии права. СПб., 1908. С. 232

учений, юридического образования и юридических профессий стали реформы 60-х гг. XIX в., связанные с «царем-освободителем» Александром II. Как известно, не все слои российского общества с благодарностью оценили этот шаг.

Что касается XX в., то тут все более-менее понятно. 1917 год навсегда разделил отечественную историю на «до и после». Рекомендовано теперь именовать события 1917 г. «Великой русской революцией». Надо прямо признать — для такой оценки есть все основания.

Коль скоро история политических и правовых учений квалифицируется как «история теории права и государства», есть все основания проиллюстрировать взгляды дореволюционных мыслителей на власть, государство, право. Разумеется, с ними имеют тесную связь и другие явления и институты, но раскрывать их соотношение в рамках статьи не имеет смысла.

Либеральные начинания Александра I во многом были инициированы М. М. Сперанским. Выдающийся ученый, реформатор, оригинальный мыслитель, Сперанский оценивается как крупнейший государственный деятель, внесший значительный вклад в развитие институтов российского государства. Под его руководством была проведена масштабная кодификация российского законодательства. Важнейшее место среди работ Сперанского занимает записка «О коренных законах государства».

Политическим идеалом М. М. Сперанского была конституционная монархия. Он подошел к необходимости перехода России на прочные основы конституционного строя и в конституции, которая закрепляет разделение властей, усматривал залог поступательного развития России. Законодательная власть должна быть передана, как считал Сперанский, двухпалатной Думе, которая работает сессионно, собираясь один раз в год. Главой исполнительной власти является монарх, который участвует в работе Думы, однако решение законодательного органа является для него обязательным. Судебная власть осуществляется судами, образующими систему, куда входит суд присяжных и на вершине которой возвышается высший судебный орган — Сенат. Предлагал он также создать Государственный совет с весьма серьезными полномочиями. Он как бы должен объединять деятельность всех остальных властей. Часть членов Государственного совета назначается царем, а остальные на основе выборов. Работой Государственного совета руководит царь.

Государственный совет наделяется правом законодательной инициативы, однако утверждение законопроекта относится к компетенции Думы. Государственную власть на местах осуществляют представительные органы — думы: губернские, уездные, волостные, которые избираются на многостепенной основе. Сперанский критиковал крепостное право и выступал за его отмену. Предлагал наделить сословия определенным статусом, закрепив их права и обязанности.

М. М. Сперанский выступил инициатором создания Царскосельского императорского лицея. Он лично подбирал преподавателей и составил учебный план этого привилегированного учебного заведения. В течение шести лет лицеисты были фактически погружены в замкнутую корпоративную систему, и даже каникулы они должны были проводить в стенах лицея.

Законовед и просветитель, второе лицо в государстве, адепт «просвещенного мистицизма» мечтал превратить Россию в государство европейского типа. В таком государстве «править должны не люди, а законы». Вести Россию по этому пути обязаны были европейски образованные, космополитичные по своему мировоззрению государственные чиновники, подготовленные в лицее. Кстати, в этом учебном заведении не было никаких предметов, которые смогли бы «привязать» будущих высокопоставленных бюрократов к российской почве. Лицей был единственным учебным заведением, где не изучали Закон Божий и не было никакого намека на православие. Вместо него предлагалось «оригинальное нравственное развитие». Любопытно, что группа офицеров-заговорщиков, названная позже «декабристами», планировала поставить во главе временного правительства именно М. М. Сперанского.

Самым серьезным оппонентом Сперанского являлся Николай Михайлович Карамзин. Он был не чужд либеральных идей, симпатизировал французской революции, однако стал убежденным монархистом и консерваторм поневоле, ибо во всяком проявлении либерализма усматривал угрозу для России. Для него «самодержавие есть палладиум России, ее счастье». Карамзин много путешествовал, имел личное общение с Кантом, Гегелем, Гердером.

Его политические и правовые взгляды получили отражение в фундаментальной работе «История государства Российского», а также в «Записке о древней и новой России».

Н. М. Карамзин не был обделен и литературным талантом. Представляет интерес его книга, написанная очень живым языком, «Письма русского путешественника». В ней он, в частности, выдвинул гипотезу, согласно которой каждому народу присуще свое индивидуальное государственное устройство в соответствии с его историческими, культурными, правовыми, политическими традициями.

Историк отвергал теорию разделения властей. Государь — единственный источник власти и права. Наше правление, по его оценке, отеческое, патриархальное. В дворянстве он видел опору трона. Дворянство и духовенство, Сенат и Синод — хранилище законов. Над всеми государь — единственный законодатель и источник власти. В отношении влияния Code Napoleon Карамзин риторически вопрошает: «Неужели для того тысячу лет существует Россия, чтобы подsunуть нашу седую голову под книжку, слепленную наспех в Париже 6—7 адвокатами и экс-якобинцами?»¹⁵.

Однако так думали далеко не все. Имеются в виду декабристы, оценка которых в советские времена получила явно идеализированную окраску. Впрочем, все те, кто так или иначе противостоял ненавистному русскому царизму, в советские времена, автоматически попадали в сонм романтических героев-мучеников.

Интеллектуальными вождями декабристов были Павел Иванович Пестель и Никита Михайлович Муравьев. Их взгляды на современную им Россию и дальнейшие перспективы ее развития несколько различались.

Пестель придерживался естественно-правовой теории и договорного происхождения государства. Цель общества состоит в достижении общего блага и каждого члена в отдельности. В силу общественного разделения труда все люди в итоге делятся на повелевающих и повинующихся. Таким образом, главные, первоначальные составные части каждого государства есть правительство и народ¹⁶. Государство Пестель интерпретировал через категорию обязанности, из которой вытекают права. Главная обязанность государства — благоденствие всех и каждого. Пестель разделял законы на три вида: духовные, естественные и гражданские. Выделял он и государственные законы, которые преследуют цель достижения общего

блага. П. И. Пестель симпатизировал республиканскому строю. Россию он представлял федерацией. Верховная власть в государстве должна принадлежать Народному вече; исполнительная — Державной думе. Надзорные функции осуществляет Верховный собор. Пестель предложил реформу местного самоуправления, отмену сословий и введение единого для всех людей статуса — гражданин. Его «Русская правда» наделяла граждан всеми демократическими свободами. Был казнен в Петропавловской крепости.

Никита Михайлович Муравьев — автор трех проектов конституций, в которых он изложил свои политические взгляды. Наиболее радикальный проект российской конституции был разработан уже в тюрьме, которая только закалила его республиканские убеждения. Судьба была к нему более милостивой: пробыв восемь лет на каторжных работах, он был определен на поселение в Иркутской губернии. Так же, как и Пестель, Муравьев мыслил Россию федеративным государством. Источником власти считал народ. Крепостное право представлялось ему противным человеческой природе и потому должно быть отменено: «...раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным»¹⁷. Вместо сословий и чинов предлагал ввести одно звание — гражданин или русский. Наилучшей формой правления Муравьев считал конституционную монархию, в которой будет реализован принцип разделения властей. Законодательная власть осуществляется Народным вече, состоящем из двух палат: Верховной думы (45 членов, срок полномочий — 6 лет; Палаты представителей — 450 членов, срок полномочий — 2 года). Во главе исполнительной власти стоит монарх. Что касается судебной власти, то Муравьев видел ее централизованной системой, построенной на принципе независимости, выборности, несменяемости. В уездах действуют совестные суды, в областях — областные суды, которые формируются областными палатами. Высшим судебным органом является Верховное судилище, которое избирается Народным вече в количестве 5—7 судей пожизненно. При этом никакой суд не должен подменять законодательную власть, т.е. толковать закон и применять его по своему разумению.

¹⁵ Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1995. Т. 3. С. 634.

¹⁶ Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1995. Т. 5. С. 662.

¹⁷ Антология мировой политической мысли. Т. 5. С. 670.

Вторая половина XIX — начало XX в. были более продуктивными для отечественной юридической науки. Можно отметить ее некоторое «взросление», постепенное освобождение от налета патриархальности и некоторой замкнутости. К примеру, в начале XIX в. (по Уставу 1804 г.) на нравственно-политическом отделении (предшественнике юридического факультета Казанского университета) учебные предметы группировались по следующим кафедрам: 1) богословие догматическое и нравоучительное; 2) толкование Священного Писания и церковная история; 3) умозрительная и практическая философия; 4) естественное, политическое и народное право; 5) право гражданского и уголовного судопроизводства Российской империи; 6) права знатнейших как древних, так и нынешних народов; 7) дипломатика и политическая экономия¹⁸.

Либерализация общественной и политической жизни, имевшая место в пореформенной России, выразилась в том числе в принятии нового Университетского устава 1863 г. Ученые советы университетов получили относительную свободу в формировании учебных курсов. Число кафедр увеличилось до 13. Была создана кафедра истории русского права. Возобновлено преподавание государственного права зарубежных стран, запрещенное при Николае I. Самостоятельной стала кафедра энциклопедии права, на которой преподавалась философия права.

Университетский устав 1884 г. инициировал рост юридических факультетов, формирования новых кафедр. Так, была образована кафедра философии права. Кроме того, на юридическом факультете стали изучать и те дисциплины, которые были и на других факультетах, например логику, древнюю римскую историю, русскую историю.

История политических и правовых учений как учебная дисциплина и наука в дореволюционных учебных заведениях не изучалась. Она была как бы «вкраплена» в другие учебные курсы, такие как история русского и зарубежного права, государственное право зарубежных стран, общая теория права, философия права.

В рамках истории политических и правовых учений всегда были и будут два самых глав-

ных объекта изучения — государство и право. Феномен государства понимался примерно одинаково в контексте так называемых трех элементов. Для иллюстрации доминирующего в отечественном правоведении подхода можно привести позицию известного правоведа Е. Н. Трубецкого.

По его мнению, «...государство есть союз людей, властвующих самостоятельно и исключительно в пределах определенной территории». В соответствии с этим понятием в состав государства входит три элемента: 1) власть с признаками самостоятельности и исключительности, 2) совокупность лиц, т.е. народ, подчиненный власти, и 3) территория¹⁹.

Такого взгляда придерживалось подавляющее большинство российских правоведов, невзирая на их внутренние политические и методологические убеждения. Подобная интерпретация государства неизбежно носит налет механицизма. Что же касается сущности власти, ее задач, функций, целей, то тут наблюдается разброс мнений.

Мы видим здесь очевидное влияние западной науки, которое отмечает Н. Н. Алексеев, в будущем видный теоретик евразийства. По его мнению, современная теория государства была построена на западной традиции, сформированной в романском и англосаксонском мире, почвой которой является естественное право. Учения эти признавали справедливым только то государство, которое основано на договоре с властвующими или между собой. Отсюда вытекает, что законной является только та власть, на которую дано согласие подвластных. На место властного союза, государства, требующего подчинения и жертвы, была поставлена человеческая личность с ее интересами. Сама личность не признает никакого общественного целого. Личность оторвала себя от общества и государства, стала независимой, самостоятельной, не нуждающейся ни в общественной, ни в государственной поддержке²⁰.

Подобный подход, как мы видим, не находил у Алексеева поддержки, и не только у него. Но главное состоит в том, что дореволюционные юристы, не совпадающие во мнениях относительно сущности государства, придерживались его трехэлементной структуры.

¹⁸ Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции. М., 2016. С. 5.

¹⁹ Трубецкой Е. Н. Общая теория права. Иркутск, 1919. С. 48.

²⁰ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 386.

Подходы к пониманию права в дореволюционной юридической науке отличались заведомым плюрализмом, чего не скажешь о советском периоде. Право представляет собой сложное социальное явление, в котором можно выделить много сторон, аспектов, граней. По-прежнему сохраняют актуальность слова П. И. Новгородцева: «Чтобы верно судить о каком-либо праве, нельзя останавливаться на отдельных его определениях, но следует восходить к принципиальному его пониманию»²¹.

В России понимали право по-разному, в науке господствовали следующие школы права:

- государственно-организационная (государственно-повелительная) теория понимала под правом то, что государство признавало в качестве такового. Сегодня такой подход чаще всего называют нормативным. Наиболее типичным ее адептом являлся Г. Ф. Шершеневич;
- психологическая школа права (Л. И. Петражицкий и др.) рассматривала право как совокупность императивно-атрибутивных душевных переживаний, которые путем психического взаимодействия членов какой-либо группы приобретают общее значение и объективируются в правовых нормах;
- социологическая теория (С. А. Муромцев, Б. А. Кистяковский) понимала право как совокупность осуществляющихся в жизни правовых предписаний. Иными словами, делается акцент на правовые отношения, на то, что было принято называть динамическим элементом права.

Нормативная школа, или нормативизм в праве, была, пожалуй, наиболее широко представлена в дореволюционной юриспруденции. Было принято различать нормативизм этический (П. И. Новгородцев: «право есть этически выраженное должное»); логический (И. А. Ильин: «право есть суждение, устанавливающее порядок как должный»); юридический (Г. Кельзен, в России — Г. Ф. Шершеневич: «право суть нормы, устанавливаемые государством и поддерживаемые его принудительной силой»).

В интерпретации Б. А. Кистяковского нормы: а) устанавливают или разграничивают свободу (школа естественного права, немецкий философский идеализм); б) защищают интерес (Р. Иеринг); в) создают компромисс между различными группами (А. Меркель). Сам Кистяковский наиболее убедительным считал третий вариант. Можно согласиться с его мнением о том, что нельзя создать единого научного понятия права, ибо таких понятий несколько. В силу этого обстоятельства невозможно отказаться от стремления иметь общую теорию права²².

В заключение можно подвести некоторые итоги. Главный состоит в том, что в дореволюционной юридической науке еще не оформилась такая учебная дисциплина и наука, как история политических и правовых учений, в качестве самостоятельного направления соответствующих исследований. Политические и правовые идеи рассматривались в рамках общей истории (отечественной и зарубежной); государственного (конституционного) права, особенно передовых стран Европы и США; философии права, общей теории права и государства (эта дисциплина изучалась под разными названиями).

Собственно русская политическая и правовая мысль фактически осталась за рамками внимания дореволюционных авторов. Но не потому, что отсутствовал объект и предмет изучения. Так сложилось, что дореволюционные авторы искали все передовое и «прогрессивное» преимущественно в западной традиции²³. В своем монументальном пятитомном труде «История политических учений» Б. Н. Чичерин никак не отразил российскую политическую мысль.

Актуальность истории политических и правовых учений возникает в период интенсивной политической жизни, когда формируются устойчивые социальные группы (страты, классы) с несовпадающими политическими, социальными и правовыми идеалами. Такая ситуация сложилась в России в начале XX в. Но это уже, как принято говорить, совсем другая тема.

²¹ Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. М., 1904. С. 38.

²² Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. С. 327.

²³ Фролова Е. А. Методология и философия права от Декарта до русских неокантианцев. М. : Проспект, 2017.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. — М. : Аграф, 2003. — 640 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. — М. : Проспект, 2009. — 576 с.
3. Антология мировой политической мысли : в 5 т. — Т. 3, 5. — М., 1995.
4. Берман Дж. Г. Западная традиция права: эпоха формирования. — М. : МГУ — Инфра-М — Норма, 1998. — 624 с.
5. Булгаков С. Н. Христианский социализм. — Новосибирск : Наука, 1991. — 350 с.
6. Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI—XX вв. — М. : Юрист, 1995. — 378 с.
7. Казанские юридические школы: эволюция образовательных и научных традиций в современной юриспруденции. — М. : Статут, 2016. — 512 с.
8. Керимов Д. А. Избранные произведения : в 3 т. — М. : РАН, 2007. — Т. 1. — 432 с.
9. Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. — М. : тип. М. и С. Сабашниковых, 1916. — 704 с.
10. Коркунов Н. М. История философии права. — М., 1915.
11. Коркунов Н. М. История философии права. — СПб., 1908.
12. Корнев А. В., Борисов А. В. Правовая мысль в дореволюционной России. — М. : Эксмо, 1995. — 288 с.
13. Куланж Фюстель де. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима. — М. : Центрполиграф, 2010. — 414 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 13.
15. Новгородцев П. И. Из лекций по общей теории права. Часть методологическая. — М., 1904.
16. Проблемы идеализма (1902) / под ред. П. И. Новгородцева. — М. : Модест Колеров, 2018. — 656 с.
17. Трубецкой Е. Н. Общая теория права. — Иркутск, 1919.
18. Фролова Е. А. Методология и философия права от Декарта до русских неокантианцев. — М. : Проспект, 2017. — 304 с.

Материал поступил в редакцию 22 августа 2020 г.

REFERENCES

1. Alekseev NN. Russkiy narod i gosudarstvo [Russian people and state]. Moscow: Agraf; 2003. (In Russ.)
2. Alekseev SS. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Moscow: Prospect; 2009. (In Russ.)
3. Antologiya mirovoy politicheskoy mysli : v 5 t. T. 3, 5 [Anthology of world political thought : in 5 vols. Vol. 3, 5]. Moscow; 1995. (In Russ.)
4. Berman D. G. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya [The Western tradition of law: the age of formation]. Moscow: MSU-Infra-M-Norm; 1998. (In Russ.)
5. Bulgakov SN. Khristianskiy sotsializm [Christian socialism]. Novosibirsk: Nauka; 1991. (In Russ.)
6. Isaev IA, Zolotukhina NM. Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy Rossii XI-XX vv [History of political and legal doctrines of Russia in the 19-20th centuries]. Moscow: Yurist; 1995. (In Russ.)
7. Kazanskie yuridicheskie shkoly: evolyutsiya obrazovatelnykh i nauchnykh traditsiy v sovremennoy yurisprudentsii [Kazan law schools: evolution of educational and scientific traditions in modern jurisprudence]. Moscow: Statut; 2016. (In Russ.)
8. Kerimov DA. Izbrannye proizvedeniya : v 3 t. [Selected works: in 3 vols.]. Vol. 1. Moscow: RAN; 2007. (In Russ.)
9. Kistyakovskiy BA. Sotsialnye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsialnykh nauk i obshchey teorii prava [Social Sciences and law. Essays on the methodology of social Sciences and General theory of law]. Moscow: M. and S. Sabashnikov Publishing House; 1916. (In Russ.)
10. Korkunov NM. Istoriya filosofii prava [History of the philosophy of law]. Moscow; 1915. (In Russ.)
11. Korkunov NM. Istoriya filosofii prava [History of the philosophy of law]. St. Petersburg; 1908. (In Russ.)
12. Kornev AV, Borisov AV. Pravovaya mysl v dorevolutsionnoy Rossii [Legal thought in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Eksmo; 1995. (In Russ.)

13. Coulange Fustel de. Drevniy gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima [Ancient city. Religion, laws, and institutions of Greece and Rome]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2010. (In Russ.)
14. Marx K, Engels F. Sochineniya [Works]. Vol. 13. (In Russ.)
15. Novgorodtsev PI. Iz lektsiy po obshchey teorii prava. Chast metodologicheskaya [From lectures on the general theory of law. The methodological part]. Moscow; 1904. (In Russ.)
16. Novgorodtsev PI, editor. Problemy idealizma (1902) [Problems of idealism (1902)]. Moscow: Modest Kolerov; 2018. (In Russ.)
17. Trubetskoy EN. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. Irkutsk; 1919. (In Russ.)
18. Frolova EA. Metodologiya i filosofiya prava ot Dekarta do russkikh neokantiantsev [Methodology and philosophy of law from Descartes to Russian neo-Kantians]. Moscow: Prospect; 2017. (In Russ.)